

Мировые звезды рождаются в России

Ольга Гурякова стала подлинной примадонной в Австрии

Общая газета. - 1998. - 9-15 авг. - с. 10

Как раз когда я находился в Вене, умерла одна из примадонн старшего поколения: Леони Ризанек, суперисполнительница партий Рихарда Штрауса. Она несла в себе магический заряд оперной дивы до последних дней и простилась со сценой совсем недавно, в семидесятилетнем возрасте. Над венской Штаатсопер развеялся черный флаг, заседание Европейской академии музыкального театра и спектакли открылись в тот день минутой молчания. В эти тихие моменты не только вспоминался удивительный дар Ризанек, но и рождался вопрос: что делает оперную певицу дивой, священным чудовищем, на которое в момент появления на сцене смотреть и страшно и сладко?

В двух премьерх главных венских оперных сцен в этом сезоне явления примадонн не произошло. В Штаатсопер внутри грандиозной фрески на тему вердиевской «Сицилийской вечерни», построенной целиком на мотиве лестницы бесконечной ширины и высоты, женскую фигуру затмили ярчайшие мужские образы. Упакованная Скрибом в красивую мелодраматическую обертку кровавая резня в Палермо XIII века превратилась в события наших будней. А лестница не просто вешала мечущиеся людские толпы, но и вела из преисподней мятежа к небу благородных чувств. Мятежники волей постановщика Херберта Вернике походили на «Бесов» Достоевского и на

революционеров XX века, а правитель Сицилии – на старого князя Болконского из «Войны и мира». Соллисты старшего поколения, Ферруччо Фурланетто и Ренато Брузон, вбирали в себя весь образный строй спектакля, солидно продирижированного Роберто Аббадо. Так что искусной Кэрл Вэнесс, певице, умеющей обратить на себя внимание, приходилось в роли мятежницы Елены отходить в тень. И кажется, от осознания «задвинутости» у нее не получалась и вокальная эквилибристика.

В восторженно принятой публичной премьере Фольксопера – опере Бенджамена Бриттена «Сон в летнюю ночь» – на роль примадонны претендовала исполнительница Титании Эдит Лиенбахер. Загадочная красавица с хвостом ящерицы, напомнившая бы нам, русским, Хозяйку медной горы, околдовывала все вокруг с большим знанием дела. Ее голос пускался на немислимые авантюры и выходил из них с новыми триумфами. Но сама партия не пускала певицу в истинные примадонны. К тому же ей наступали на пятки блистательные исполнители других ролей. Да и спектакль как плод режиссерского театра высшей марки (постановка Филипа Арло) осаживал примадоннские претензии певцов и певиц. Ядром его оказывались не люди, а атмосфера, возникшая из сплетения звуков и световых бликов, шорохов леса и шепотов влюбленных. Внутри винтообразной крепостной

стены всходил и заходил шар – луна, внутри которой жила наша Титания. Царица фей, которой не суждено было выбиться в примадонны.

Этого не удавалось и главным исполнительницам «рядовых» венских спектаклей, которым по роли полагалось выходить в дамки. Знойная красавица Сильвана Дусман – Вителлия в моцартовском «Милосердии Тита» (Фольксопера, постановка Николаса Бригера) – пусть и наделенная обликом, сексуальностью и амбициями Мэрилин Монро, никаким напором не могла искупить неряшливого пения. Виктория Лукьянец, хорошо знакомая москвичам, напротив, в главной роли «Травиаты» (Штаатсопер) в высшей степени достойно воплощала ноты Верди, ее pianissimi струились и тяли, как жемчуг в вине. Но то, что называется на театре рисунком роли, не имело к мифологеме Дамы с камелиями ровно никакого отношения. Лукьянец суегила и настаивала на том, что ее героиня ужасно несчастна, она хотела нас тронуть и даже требовала, чтобы мы растрогались. Что и говорить, интенции инжнэно не торят пути в примадонны.

Для отыскания примадонны в австрийском контексте пришлось отправиться во второй по величине город страны – Грац. Там дирижер Вольфганг Бозич и режиссер Марк Гюнтер поставили любимые публикой всего мира «Сельскую честь» Масканы и «Паяцев» Леонкавалло. По

«Сон в летнюю ночь». Венская Фольксопера

оперным обычаям, в центр спектакля должны были бы встать две заветные теноровые роли – Туриду и Канию – и партия мятущейся Сантуцци из «Сельской чести». Но в центр спектакля неожиданно для всех встала Недда любимицы Москвы Ольги Гуряковой. Удивительны парадоксы театра: в московской «Таис» красавицу Гурякову выносили полуобнаженной на золотом тельце, а нам было неинтересно и даже неудобно из-за того, что сцена и музыка напичканы поверхностной дребеденью. Здесь же Гурякова появляется незаметно – и тут же приковывает наше внимание мощным излучением того, что в этой молодой женщине живет страдание и предчувствие смерти. В современно одетой

героине сквозят черты мифического, вечного существа. Партия Недды ложится на голос Гуряковой так, будто композитор писал специально для нее. Все повороты роли, все сольные и ансамблевые эпизоды Гурякова проживает в буквальном смысле душой и телом, причем голос из телесного инструмента сам собою становится душой образа. Не за горами дебюты певицы в Метрополитен Опера (в составе труппы Мариинского театра). Но уже сегодня ясно: у нас на глазах рождается самая настоящая примадонна, и Москве пора подумать, какую опору ей не стыдно предлагать.

Алексей ПАРИН
Вена – Москва